

ВАЛЕРИЙ ДУДАРЕВ

ГЛУБОКИЙ СНЕГ — ПРЕДВЕСТНИК ДУМ ГЛУБОКИХ

ЗИМНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Смотрю на снег — и взгляд не оторвать!
На что ещё так можно засмотреться?!
Так начинаешь брэнность понимать
Всего...

Сильнее грусть.

Сильнее бьётся сердце.

Грусть оттого, что время так бежит,
Что ни один пейзаж не сохранился.
Как изменился мир!

Как изменился быт!

Как изменились мы!..

Как снег не изменился!

Быт стал чужим,

мир стал ещё грустней,

ДУДАРЕВ Валерий Фёдорович — русский поэт. Родился в Москве. Работал сторожем, дворником, каменщиком, бетонщиком, столяром, служил в армии, валил лес в Якутии. Окончил филологический факультет МПГУ. Автор книг стихотворений “На склоне двадцатого века” (1994), “Где растут забытые цветы” (1997), “Ветла” (2001), “Глаголица” (2004), “Интонации” (2010), “Ветла и другие стихотворения” (2016). Лауреат литературных премий им. Сергея Есенина, Бориса Корнилова, Александра Невского, Фёдора Тютчева и др. Главный редактор журнала “Юность”.

Душой мы стали одиноки,
А за окном всё тот же добрый снег.
Глубокий снег —
 предвестник дум глубоких!

Представлю:
 степь,
 поземка,
 бег саней.
На тройках прошлого выскакивают тени!
Но кто же там желанней? Что ясней?
Все тот же снег.

 И Пушкин!
И Есенин!

Наш снег идёт! Он вырвется из тьмы
Веков.
 И правнук мой на лыжах пробежится!
Мы всё сметём! Всё раздербаем мы!
Но снег пойдёт, и что-то сохранится.

* * *

Есть в России тихие долины,
Где горят огни, а вечер тих, —
Это жгут подруженьки лучины,
Ожидая суженых своих.

Есть в России тихие погосты,
Где растут забытые цветы,
В небесах заботливые звёзды
Плачут, одиноки и чисты.

Даже в тёмном вихре снегопада
Мне снежинок ласковых не счесть.
Господи, чего же людям надо?!
И любовь, и смерть в России есть.

ПРОВИНЦИЯ

Пока велесовы ковши
Над нами счастье проливают,
Ты целый мир любить спеши,
Куда б ни вывела кривая!

Прощанье — что?
Прощанье — дым!
Дымит, прощается эпоха.
Ты на земле необходим,
Здесь без тебя кому-то плохо.

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из вёсен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире вёрст и вётел!

В забытых Богом городах
Который век кипит работа!
В них цел языческий размах,
В них византийское есть что-то.

В них вишня каждая цветёт
На грани ада или рая,
И отрок ясный пропадёт,
Судьбу Рублёва избирая.

Пока орнаменты Руси
Ещё остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче!

Провинция!
Вот часослов!
Ни грай,
ни публика столичья
Не затемнят колоколов
Её скитанья
и величья.

В УСАДЬБАХ

Так-так.
Начинается новое время.
Но что остаётся от ближнего древнего парка?
Пустяк!
Неразумно и вредно
В усадьбах искать:
вот качается арка,
Весь портик и даже колонны немножко.
Внимать:
вот торжественно гибнут фасадные балки,
С фронтоном карнизы и даже окошко
У самой земли, где робеют две галки,
Гортензия, кошка. А дальше — дорожка.
И снова дорожка...

В моей стороне не сыскать —
не сберечь классицизма.
О, сколько в ней лишних веков и мелодий!
Но если опомнишься —
в этом судьба и Отчизна,
И даже великая вроде...

В последнее небо
Заглянешь едва, ненароком —
И даже мечтательно: мне бы!
Но скуп Сумароков.
Сквозь липы сияют далёкие вешние воды.
Так что ж остаётся?

Лишь оды.
Лишь вздорные оды...

* * *

Я не участвую в истории.
Весь исторический процесс
Моей не знает территории.
Здесь поле, стог, река и лес.

Хожу-ищу грибочки рыжие.
Солю на зиму огурцы.
И, слава Богу, снятся хижины
Гораздо чаще, чем дворцы.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Есть высшая доля:

однажды,

Всю жизнь отложив на потом,
Пойти одиноким, миражным,
Просёлочным, диким путём.

Но в той навалившейся доле,
Когда опускается мгла,
Есть счастье добраться до поля,
Увидеть, как дремлет ветла,
Печальную кликнуть старуху
В глухом, в незнакомом селе,
Свою разделить с ней краюху
На этой вечерней земле,
А там уж, совсем по старинке,
Как будто столетия назад,
Испить из предложенной крынки
Под долгий, внимательный взгляд,
А после скупого прощанья
Услышать:

“Исусе, спаси!” —

Сдержат вековые рыдания
И дальше пойти по Руси.